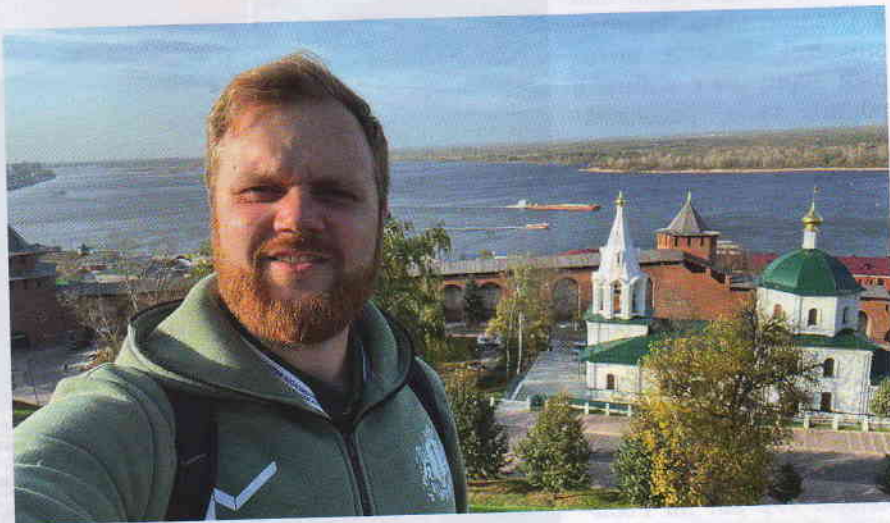

Среди них нет безымянных, есть неизвестные

Как ульяновские поисковики возвращают имена павшим воинам

Великая Отечественная война закончилась 80 лет назад, но для тысяч семей она до сих пор остается незавершённой.

«Пропал без вести» – эта фраза из похоронок десятилетиями не даёт покоя родственникам солдат. Где погиб их отец, дед или прадед? Как сложились его последние часы? Где его могила? На эти вопросы пытаются ответить поисковики – люди, которые по крупицам собирают историю войны, возвращая из небытия имена погибших солдат. Сергей Алексеевич Вдовин – поисковик, он уже семь лет занимается этой работой в различных регионах России и Беларуси. В интервью он рассказал о том, как благодаря поисковикам неизвестные солдаты вновь обретают имена.

– Что привело вас в поисковое движение? Я слышал, с этим связана ваша семейная история.

– Это не какая-то особенная история. Многие приходят именно так: хочу узнать. Когда начинаешь касаться этой темы, обнаруживается много неизвестного, пытаешься раскрутить этот клубок. Одно цепляется за другое, а ты погружаешься и погружаешься. У меня ещё и образование историческое. Мне всё это было интересно. К тому же я давно занимаюсь генеалогией, изучаю историю своей семьи, работаю в архивах. Мне удалось проследить родословную до XVI века, вот коснулся и Великой Отечественной войны. По своим я плюс-минус всё понимал. Потом женился, и у меня появилась ещё одна семья со стороны супруги. Её дед пропал на войне. Он ушёл на фронт из Вешкаймского района, и после этого никто ничего о нём не знал. Я начал искать информацию, писал запросы, но ответов не получал.

У нас была его чёрно-белая фотография. Я написал в соцсети «ВКонтакте» председателю регионального совета Поискового движения России Сергею Анатольевичу Зуеву. Спросил, может ли он по фотографии определить

род войск. Он ответил. Раскрасили фотографию и предположили, к каким частям мог относиться солдат. Потом он задал встречный вопрос: «А зачем тебе это надо?» Я рассказал, и он предложил: «Не хочешь попробовать стать поисковиком?»

Я тогда не очень представлял, что это такое. Почитал – показалось интересным, согласился. Мы встретились, он определил меня в ульяновский отряд «Крутой». Это была осень, а весной они уже планировали экспедицию в Ленинградскую область, и меня пригласили. Так в 2018 году я попал на первую вахту под Любанью. Она длилась для меня две недели и оказалась очень сложной. Я не турист, вся эта палаточная романтика была мне непонятна. А тут весна, начало апреля, под Любанью – болота, леса, ночные заморозки. Я человек тепличный, всю жизнь прожил в городе. В какие-то моменты хотелось смотать удочки. В бытовом плане очень тяжело: холодно, мокро, непонятно, как сушить вещи. Утром встаёшь, хочешь воды попить, а она замёрзла, приходится откалывать. Спрятаться некуда. Костёр не горит, а дымит, потому что всё мокрое. После недели работы очень хочется помыться, а как? В речку при такой

погоде не пойдёшь. Как работают полевые бани? Четыре палки, обмотанные полиэтиленом, внутри нагревают воду, земляной пол...

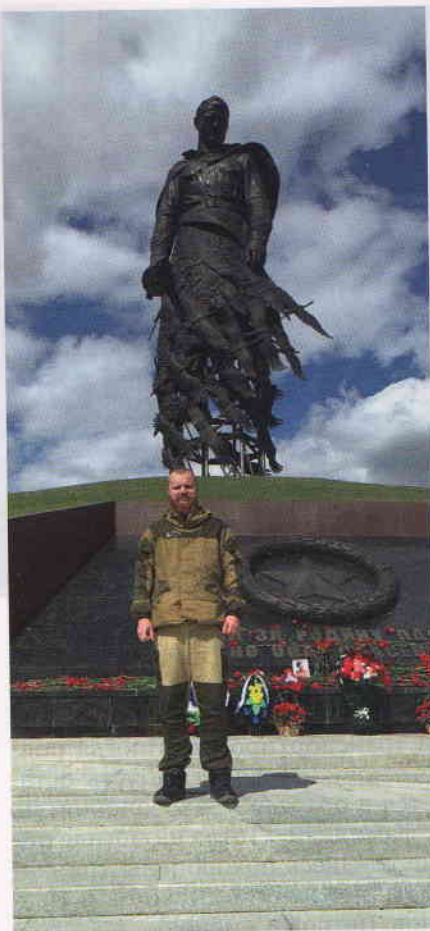
Но я втянулся, стало интересно. Ребята научили меня всему. Я тогда впервые своими глазами увидел, что такое война – не бумажная, не хрестоматийная. Увидел окопы, остатки блиндажей. Вот пригорок. Если его прозвонить металлоискателем, то на углу пригорка лежат немецкие гильзы – значит, здесь была позиция. Так постепенно начал понимать, что такое война на самом деле.

– Как происходит подготовка к экспедиции? Нужно ли самому что-то покупать?

– Поисковое движение России – это всероссийская организация, а мы – региональное отделение. В Ульяновской области сейчас 14 разных отрядов. Если есть возможность, кто-то использует спонсорскую помощь, но чаще всего мы составляем список желающих и определяемся, по сколько скидываемся деньгами на бензин и еду. Что касается оборудования, отряд поддерживает новичков. Когда я пришёл, у меня ничего не было. Мне говорили: «Нужен металлоискатель? Возьми. Походишь, поймёшь – купишь себе свой. Вот щуп, вот лопаты». База нарабатывается годами, хранится обычно у командира. Конечно, всё изнашивается, ломается, нужно обновлять. В основном отряды делают это сами – скидываются и закупают. Иногда бывает спонсорская помощь. В Ульяновске городские отряды уже лет пять поддерживает управление по делам молодёжи городской администрации. Раз в год отряды сообщают, что им нужно: навигаторы, палатки – в пределах разумного, на сумму до 100 тысяч рублей на отряд.

У некоторых есть спонсоры – неравнодушные люди, которые сами не могут ездить, но хотят помочь. Говорят: «У меня дед пропал, я сам не могу ездить, но давай я вам выделю пять ящиков тушёнки на вахту».

Последние три-четыре года большую статью расходов – транспортные затраты – взяло

на себя министерство молодёжного развития области. Мы заранее формируем план, подаём его в Министерство обороны для согласования, потом передаём в наше министерство и говорим, на какие вахты нам нужна поддержка с транспортом. Подаём заявки в основном на крупные вахты, куда едет сводный отряд из нескольких поисковых групп и где больше молодёжи. Взрослые могут поехать на своей машине, а у молодых ребят 18–20 лет откуда деньги?

– Как выбираются места для поисковых работ?

– В основном люди работают по местам боёв подразделений, которые формировались в их регионе. Например, поисковики из Димитровграда едут по местам боёв дивизий, которые формировались в Мелекесском районе, а ульяновские – по местам боёв ульяновских дивизий. Другая часть – это старые работники. Допустим, человек раньше копал в Ленинградском отряде,

в каком-то конкретном месте. Потом он переехал в другой регион, но продолжает ездить туда, где знает каждую кочку.

Поисковое сообщество – всероссийское, там все друг другу братья, все всех знают. Можно осенью решить: «Давайте съездим во Ржев, нас позвали ребята, им нужна помощь с подъёмом самолёта». Или: «Давайте поедem в Волгоград – это самая близкая точка, у нас мало времени, всего пять дней».

Сейчас ситуация меняется. Последние три года мы активно разрабатываем проект «Волга – Днепр» – работаем в Гомельской области Республики Беларусь, в Жлобинском районе. Это места боёв, где практически полностью погибла 154-я стрелковая дивизия, которая формировалась из жителей нынешней Ульяновской области. Мы уже четвёртый год туда ездим. Познакомились со всеми, начали представлять, как выглядит местность, где какие подразделения стояли. Знаем, что там все наши. И теперь почти все ульяновские отряды спрашивают: «Можно мы тоже поедem с вами?»

Я сам последние три года езжу только в Беларусь. До этого был во Ржеве, в Сталинграде, в Ленинградской области. Но сейчас все силы стараюсь вкладывать в Беларусь. Это как писать дипломную работу: погружаешься, держишь в голове названия населённых пунктов, расположение частей, квадраты местности. Если работаешь в двух местах, внимание рассеивается. Нужно сосредоточиться на одном деле.

– В одной успешной экспедиции вы нашли 16 красноармейцев-командиров. Как происходит установление имён?

– Есть несколько вариантов. Первый – самый точный, но и сложный: найти бакелитовый пенал со смертным медальоном. Если боец лежит один и при нём этот пенал, то с вероятностью 99% это он. Найти пенал, чтобы в нём была записка и она читалась, – это высшее достижение любого поисковика. Ради этого и ведётся работа: чтобы солдат остался именным. Бывают слу-

чаи, когда находят воронку, яму, санитарный сброс – там десять человек и один медальон. Это тоже хорошо, потому что можно найти родственников и сказать, что среди этих десяти ваш дед. В этом случае все бойцы остаются в братском захоронении.

Кстати, в этом году новый министр обороны Андрей Рёмович Белоусов предложил изменить юридический статус с «пропавших без вести» на «погибших при защите Отечества» для всех, кого найдут поисковики. Это, я думаю, очень важно для павших. «Пропавший без вести» – размытая формулировка: она включает и тех, кто мог дезертировать, убежать... А тут – защитник Родины, умер с оружием в руках.

Второй способ идентификации – подписные вещи. При бойце может быть ложка. Её часто носили в сапоге или обмотках – удобно. Очищаешь ручку ложки, а там фамилия: Иванов. С вероятностью 80% это он. По возможности, когда находят родственников, пытаются сделать тест ДНК, чтобы уже точно удостовериться.

Кроме ложки, подписными могут быть мундштук, опасная бритва, котелок, портсигар. Бывали случаи, когда на подошвах ботинок находили процарапанные фамилии.

Когда находим подписанные вещи, ищем родственников, связываемся с ними, спрашива-

ем, что делать. Если они говорят: «Хотим его домой», начинается процесс оформления документов и транспортировки. Иногда родственники говорят: «Пусть остаётся в братском захоронении, но с фамилией». Тогда на могиле пишут: «Здесь похоронены тринадцать неизвестных воинов и Иванов, Петров, Семёнов».

Сергей Анатольевич Зуев так говорит: «Среди них нет безымянных, есть неизвестные». Они все с именами, просто мы их не знаем. Поэтому они неизвестные, а не безымянные. Не может быть безымянным человек.

– Помните свои чувства, когда впервые нашли павшего советского воина?

– Помню своего первого. Главное чувство – радость: я тут не просто так хожу две недели по лесам, а делаю что-то полезное. Значит, я съездил не зря. Это было подо Ржевом, в лесу. Мы уже два или три дня там ходили. Утром решили пойти в новую сторону. Погода была мерзкая: серое небо, противный дождь, холодно. Идём цепочкой... Кто-то шупом проверяет, кто-то металлоискателем. Я ткнул шупом в одно место, засомневался. Но у нас есть золотое правило: не уверен – копай. (Уверен – тоже копай.) Начали копать, показалась первая кость. Тут уже все остановились. Подтянулись остальные, разложили квадрат. Начали акку-

ратно снимать слои. Когда дошли до останков, всё стало ясно. При эксгумации рядом выкладывает баннер с изображением скелета, где прорисована каждая кость. Ты достаёшь: правая рука, левое предплечье, правая бедренная... Как мозаику раскладываешь, чтобы не перепутать. Начали доставать. Вытащили две ноги, потом сразу – третья. Значит, не один! Начали раскладывать второй баннер. В итоге из этой ямы достали «полтора» человека: один целый и нижняя часть второго. Во время войны зачастую не было возможности копать ямы: увидел воронку – скинул тела, землю накидал... При одном из убитых нашли кружку и ложку, но неподписанные. Я спросил: «Ребята, можно я заберу на память?» – «Ну почему бы нет?» Они до сих пор стоят у меня на полке как память о первом найденном бойце. А останки захоронили в братской могиле.

– И всё-таки, что испытываете: радость успеха или горечь, что так сложилась судьба человека?

– Конечно, испытываешь различные чувства, но когда уже долго занимаешься этим делом, преобладает азарт: «Есть! Нашёл!» Когда возвращаешься в лагерь «без рук, без ног», сидишь у костра, ужинаешь, начинаешь прокручивать события дня – вот